

О ПРЕДМЕТЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье в историческом аспекте рассматриваются проблемы методологии медицинской психологии. Подчеркивается кризисное состояние современной психологии, связанное с неопределенностью ее предмета, с отсутствием общих теоретических оснований, с разобщением теории и практики, с игнорированием критериев научности знания. В анализе истории становления медицинской психологии показано, что ее наиболее перспективные направления развивались в решении конкретных задач медицинской практики с опорой на объективный метод. Подчеркивается, что при потере связи с практикой происходит размывание предмета психологии, теряется статус научности этого знания. На пути преодоления кризиса современной медицинской психологии необходимо теоретическое осмысление практического опыта для разработки технологий решения насущных практических задач психологической помощи.

Ключевые слова: методология, научное знание, кризис психологии, исторический анализ, медицинская психология, «психологический схизис».

ON THE OBJECT OF MEDICAL PSYCHOLOGY.
HISTORICAL ASPECT

A historical analysis of methodological issues of medical psychology is given. A crisis situation in modern psychology related to the indistinct definition of its object, lack of common theoretical basis, dissociation of theory and practice, disregard of scientific criteria is emphasized. The presented analysis of history of medical psychology shows that its most promising areas developed in dealing with real tasks of medical practice and with reliance on the objective scientific method. It is stressed that when losing relation to practice psychology also loses its object and scientific status. It is suggested that a theoretical comprehension of practical experience and a development of psychological support «technologies» should be employed to cope with the crisis in modern medical psychology.

Keywords: methodology, scientific knowledge, crisis in psychological science, historical analysis, medical (clinical) psychology, «psychological crisis».

Дискуссии о предмете психологии сопровождают ее на протяжении всей истории становления, и это весьма симптоматично. Мало найдется научных дисциплин, в которых существовали бы столь очевидные и длительные расхождения в понимании того, что составляет их содержание. Фактически история психологии — это история сосуществования и параллельного развития внутренне замкнутых учений, заявляющих собственный предмет исследования, использующих собственный категориально-терминологический аппарат, собственные подходы к определению и изучению психического. Характерно, что «трения» между этими учениями в силу их замкнутости и отсутствия общих оснований никогда не приводили к взаимному вытеснению и редко становились предметом методологической рефлексии. Закономерным следствием этого стало экстенсивное умножение различных концепций и подходов, отражающее перманентно кризисное состояние научной психологии.

В качестве паллиативного средства разрешения проблемы множественности

и разнородности подходов все чаще предлагается методологический либерализм, который, однако, мало проясняет вопрос о статусе психологии как научной дисциплины, скорее — снимает его. Впрочем, и в отношении методологического либерализма, равно как и в отношении предмета, в психологическом сообществе единогласия нет, что, по видимому, представляет собой также характерную черту кризиса [3].

Еще одним существенным, и, возможно, наиболее очевидным проявлением кризиса является диссоциация теории и практики, породившая парадоксальную ситуацию, когда психологические теории оказываются лишенными прикладного значения, а психологическая практика теряет свою опору в теории. Ф. Е. Василюк, в частности, подчеркивает, что психологию характеризует «схизис» между исследовательской и практической психологией, когда «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности» [2, с. 26].

«Ситуация трагична», — отмечал Г. П. Щедровицкий еще в середине 80-х

годов прошедшего века. — «Да, есть очень авторитетная и заслуженная история психологии, но я из нее уже не могу извлекать никаких прикладных знаний, в жизни все это не работает...» [6, с. 10].

Следует отметить, что обвинения в умозрительности психологических «теорий» не новы и близки к тем, что во второй половине XIX — начале XX века выдвигали против гуманитарно-философской психологии представители естественнонаучных направлений в изучении человека.

Вспомним, что как наука психология стала оформляться лишь со второй половины XIX века. До этого доминирующей была традиция религиозного мировоззрения и надобность в ином понимании души человека не ощущалась и не озвучивалась. Генетическая преемственность с теологической традицией прослеживалась и в «субъективной психологии», которая в качестве предмета исследования определяла феномены сознания, а в качестве основного метода — самонаблюдение. Однако утрата собственно религиозного смысла самопознания при таком подходе закономерно лишала целенаправленности развития теоретической мысли в рамках субъективной психологии. Исказив метод и предмет теологической антропологии, субъективная психология не смогла ни полностью отделиться от нее, ни достигнуть соответствия критериям, предъявляемым к научному знанию.

Такая неустойчивость оснований субъективной психологии традиционно использовалась ее оппонентами — «естествоиспытателями», утверждающими необходимость разработки новой, научной психологии, способной ставить и решать конкретные практические задачи с использованием научно верифицированного знания о законах и закономерностях нервно-психической деятельности человека.

Неудивительно, что движение за развитие «объективной психологии» и возведение психологии в контекст естественнонаучного познания возглавили врачи — физиологи и психиатры. В России это были И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев. В Европе — В. Вундт, Э. Крепелин, П. Жане. Уже в 1874 году В. Вундт издал объемный труд «Основания физиологической психологии», а в 1879 году — организовал и первую в мире психологическую лабораторию в Лейпциге, на базе которой через десять лет, в 1889 году, был создан Институт психологии.

Подобные психологические лаборатории начали организовываться при крупных психиатрических клиниках в конце XIX века: Э. Крепелина — в Германии (1879), П. Жане — во Франции (1880). Русские врачи, стажировавшиеся в Германии и воодушевленные возможностью экспериментального исследования психических состояний и свойств, по возвращении на Родину организовывали такие лаборатории при психиатрических лечебницах [5].

Первая такая лаборатория (вторая в Европе) была создана в Казани В. М. Бехтеревым в 1885 году. Уже к середине 90-х годов экспериментально-психологические лаборатории при психиатрических клиниках были организованы почти во всех крупных городах России: в Москве — С. С. Корсаковым (1886), в Юрьеве — В. Ф. Чижом, И. А. Сикорским — в Киеве, П. И. Ковалевским — в Харькове.

В 1896 году после переезда в Санкт-Петербург В. М. Бехтерев основал журнал «Обозрение психиатрии, неврологии, экспериментальной психологии и гипнотизма», в котором публиковались результаты психологических исследований. В 1901 году В. М. Бехтеревым и его учениками было организовано «Русское общество нормальной и патологической

психологии», в 1907 году — основан всемирно известный Психоневрологический институт.

Этот этап в становлении отечественной психологии чрезвычайно важен, и не только в фактически-историческом смысле — как этап бурного зарождения, «пассионарного подъема» молодой психологической науки, но и для понимания того, что являлось и служило предпосылками для ее развития.

Прежде всего необходимо отметить, что разработка психологических концепций и методов осуществлялась физиологами и врачами, причем не только в связи с общими задачами познания закономерностей психической деятельности человека, но и в связи с конкретными задачами практики (диагностики и дифференциальной диагностики нарушений психических функций, оценки их динамики в процессе лечения и т. п.). Именно в практической деятельности, в наблюдении за больными и здоровыми людьми и при непосредственном взаимодействии с ними накапливался живой опыт, стимулирующий научно-исследовательский интерес пионеров психологической науки. Это принципиально отличало новую психологию от психологии, развивавшейся в гуманитарно-философской традиции.

Уже в первые годы работы лаборатории Казанского университета проводились психометрические исследования психически больных, лиц, находящихся в гипнозе, измерялась скорость психических реакций в различное время дня, исследовался объем памяти при варьировании характеристик стимульного материала и условий его предъявления. В дальнейшем В. М. Бехтеревым и его учениками разрабатывались оригинальные методические приемы для изучения психической деятельности человека в норме и при патологии, в исследованиях были выявлены количественные и качествен-

ные особенности нервно-психической деятельности больных с различными формами психических расстройств, оценивалась динамика психических функций в ходе использования разнообразных лечебно-профилактических воздействий (влияние музыки, света, цвета, физического труда и др.).

Аналогичные изыскания проводились и в других экспериментально-психологических лабораториях. Вновь следует подчеркнуть, что во многом энтузиазм первых исследователей был связан с возможностью опоры на клинический опыт и решения конкретных задач врачебной практики. То же справедливо и для других отраслей психологии: и педагогическая психология (детская психология, психология аномального развития), и инженерная психология (психология труда), и военная психология черпали материал и стимулы для своего становления и самоопределения именно из практики, выделяясь в самостоятельные направления и очерчивая свой предмет на основании вполне конкретных задач педагогики, производства, военной отрасли, других сфер жизни и деятельности общества.

Отрываясь же от практической почвы — уходя в академическую сферу (в институты, университеты), подпадая под влияние идеологической системы, даже просто углубляясь в теоретизирование, психология всегда больше теряла, чем приобретала. Да, вырабатывались более строгие и изящные формы, более сложный язык, однако главное — предмет — ускользал из этих построений, не будучи укорененным в реальных и очевидных практических задачах (задачах дифференциальной диагностики, реабилитации, обучения и воспитания, профотбора и др.). Психологическое знание при этом становилось замкнутым на само себя, «безжизненным», трудно поддающимся трансляции. По-видимому, именно эти

процессы привели к тому, что сегодня принято называть «психологическим схизисом».

В медицинской психологии такое «расщепление» имеет не только методологический, но и вполне очевидный этический аспект, поскольку речь идет о помощи людям с трудностями адаптации и нарушениями здоровья.

Возвращаясь в связи с этим к историческому пути медицинской психологии, следует отметить, что уже тогда, не находя опоры в теоретической психологии для оформления собственной практики, врачи-клиницисты формулировали собственные теории. Традиция изучения поведения человека в норме и при патологии развивалась блестящими клиницистами-практиками своего времени: С. С. Корсаковым, В. Ф. Чижом, И. А. Сикорским, В. Х. Кандинским и др. Основным девизом такого теоретизирования с самого начала становления медицинской парадигмы в психологии стало требование объективности.

Объективность предполагала определение в качестве предмета того в психической жизни человека, что доступно для непосредственного наблюдения, экспериментальной верификации и количественной оценки. Принципиальную возможность объективности усматривали в том, что психические процессы так или иначе являют себя во внешних (вегетативных, двигательных) реакциях, которые и являются наиболее достоверным основанием для суждений о психических процессах.

Русская школа физиологов: И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский шла по пути экспериментального поиска объективных закономерностей функционирования нервной системы, которые могли бы пролить свет на закономерности высших психических функций.

Эта же мысль отчетливо звучит и в работах В. М. Бехтерева. Однако если

И. М. Сеченов, И. П. Павлов рассматривали объективные методы физиологического исследования как способ раскрыть самые общие закономерности жизнедеятельности организма, не исключая и психические процессы, то В. М. Бехтерев ограничил понятие объективного метода для психологии. Лишь наблюдаемые феномены — поведения и физиологической активности нервной системы — могли служить объективными признаками психической деятельности. В. М. Бехтерев определил в качестве основной единицы анализа нервно-психической деятельности рефлекс, рассматриваемый как универсальный динамический механизм, лежащий в основе всех, даже наиболее сложных реакций и форм поведения человека, вплоть до коллективных [4].

Важно подчеркнуть, что объективность как основной методологический принцип в учении В. М. Бехтерева и его последователей не противоречила целостному видению человека. В. М. Бехтерев стремился к разработке общих методологических оснований для разветвленной системы наук о человеке, настаивал на необходимости его исследования на всех уровнях жизнедеятельности с учетом культурно-социального контекста. Весьма яркое воплощение эта идея нашла в учебной деятельности Психоневрологического института: программа подготовки специалистов предполагала освоение учащимися широкого круга дисциплин естественнонаучного и гуманитарного циклов: от физики, химии, биологии, анатомии и физиологии до общей и экспериментальной психологии, социологии, философии, всеобщей истории, истории литературы, искусств, культуры, богословия [1].

В использовании целостного, системного подхода в исследованиях человека, в попытке их методологического обоснования заключается важное отличие рус-

ской науки о поведении от американского бихевиоризма, которому (во многом заслуженно) вменяется в вину односторонность и грубый редукционизм. В основаниях отечественной системы научной психологии категория «поведение» являлась центральной для анализа целостного процесса жизнедеятельности человека в условиях среды и имела скорее методологическое значение, не сводимое к обыденному пониманию поведения как совокупности наблюдаемых феноменов проявления жизненности [7].

Другой известный ученик лаборатории В. Вундта Д. Н. Узнадзе в 1918 году создал кафедру и лабораторию экспериментальной психологии в Тбилисском университете. Грузинская психологическая школа разрабатывала теорию установки для изучения живой действительности человеческой деятельности, человека как целостного существа, взаимодействующего с реальностью. Категория установки как модус такого взаимодействия обрела экспериментально-психологическое и теоретическое обоснование. Методика исследования установки широко использовалась в патопсихологических экспериментах, в педагогике и психологии труда представителями грузинской школы.

Это лишь некоторые примеры попыток разработки в отечественной психологии экспериментально верифицируемых концепций, выявления и теоретического осмысления закономерностей поведения человека в соответствии с канонами науки: с критериями обоснованности, проверяемости, системности, полезности знания. К сожалению, результаты этих попыток не получили своего логического развития. Понятийный аппарат, методические приемы, эмпирические наработки оставались внутри отдельных, весьма разрозненных научных коллективов, которые, с уходом лидеров, постепенно теряли и свою традицию.

Можно, конечно, спорить о содержании и степени обоснованности концепций, разрабатывавшихся в отечественной психологии в рамках науки о поведении, о возможности их конструктивного развития и достижения ими признания научным сообществом. Можно также вспомнить об официальном насаждении павловского учения уже в советский период, об идеологическом давлении, имевшем неблагоприятные последствия для отечественного человекознания. В данном контексте, однако, важно другое: стремление к идеалу научности, которое в современной психологии, похоже, все более игнорируется, несмотря на расширяющиеся технологические, информационные, коммуникационные возможности.

Безусловно справедливым будет замечание, что ортодоксально естественнонаучный подход в психологии во многом механистичен и позволяет описать лишь простые формы реагирования человека в экспериментально или иным образом ограниченных условиях. Приверженцев этого направления нередко упрекают в игнорировании уникальности и сложности человека, в его принижении. Однако реальность, думается, не так однозначна. Безусловным достоинством научно строгих концепций является то, что они исключают спекулятивные рассуждения о наиболее тонком и сокровенном в психической организации человека. Такое молчание, пользуясь известным выражением Л. Витгенштейна «о том, о чем нельзя сказать, надобно молчать», часто несет смысл большего уважения к душе, к духу человека, чем смелое теоретизирование о них, не говоря уже о попытках «измерения» при помощи тестов и других психодиагностических инструментов.

Кроме того, поведенческий подход, даже понимаемый как редукционизм, представляется значительно менее про-

блематичным с точки зрения научной этики, чем многие тенденции современной неповеденческой психологии, в частности, экспансия в сферу духовности, религиозного опыта, мировоззрения, нравственности и др. И дело не только в том, что грубые схематизации накладываются на сверхтонкую субстанцию человеческой души. Важно, что попытки вторжения психологии в сферу надличностного выявляют ее «хроническую болезнь» нарушенной идентичности — болезнь неопределенности предмета.

В этом смысле объективная психология, имея дело с тем немногим в поведении человека, что поддается операционализации, оценке и прогнозированию, выработала значительно более крепкий «иммунитет». Трудность, однако, заключается в том, что такое поведение действительно представляет собой лишь незначительную часть спектра реакций человека. В естественных условиях люди ведут себя столь разнообразно, индивидуально, спонтанно, что это препятствует выявлению общих тенденций. Поэтому установление закономерностей становится возможным лишь в ограничивающих, непривычных, экстремальных условиях, в частности, в условиях болезни, которая, по образному выражению К. Маркса, является «стесненной в своей свободе жизнью». Это всегда создавало особые условия для достижения соответствующими отраслями психологии, в том числе медицинской психологией, статуса научной дисциплины.

История медицинской психологии — наглядное тому подтверждение. Изучение нарушений психической деятельности у психически больных (Б. В. Зейгарник), у лиц с локальными поражениями головного мозга (А. Р. Лурия), у детей с аномалиями развития (Л. С. Выготский) позволило разработать концепции, которые не только могли получить экспериментальное обоснование, но и оказались

применимы для решения практических задач медицины. Именно в решении этих задач — задач определения дифференцирующих признаков нарушения психической деятельности при разных формах психических расстройств; разработки методик воспитания и обучения детей с нарушениями анализаторов, создания методик диагностики локализации поражения головного мозга, реабилитации больных с такими поражениями и др. — на конкретном клиническом материале рождались идеи, которые в дальнейшем приобретали форму концептуальных построений.

Следует особо подчеркнуть, что предметом исследования становились объективные феномены, разрабатываемые методы коррекции основывались на принципах поведенческого направления, цели и задачи вмешательства четко определялись. Такая «технологичность», однако, не противоречила и не противоречит личностному подходу в лечебно-восстановительном процессе — не поддающемуся формализации заинтересованному отношению специалиста к больному.

Заинтересованное отношение, являющееся необходимой предпосылкой для оказания помощи, не может подменить собой целенаправленного, теоретически обоснованного психокоррекционного воздействия. Оно и не должно противопоставляться ему, как это нередко происходит при неправильном толковании идей гуманистической психологии. Гуманистический контекст — единственно возможная и допустимая среда для психологического вмешательства. Однако формированием надлежащей среды психологическая практика не может быть ограничена.

Возвращаясь в связи с этим к вопросам прикладного значения психологических концепций и к упомянутой в начале статьи проблеме разобщения теории и

практики, следует отметить, что, помимо экспериментальной психологии, медицинская психология имела еще один важный источник развития — неврологию и психотерапию. Речь идет, прежде всего, о господствовавшем в начале XX века в Европе психоанализе, увлечения которым, правда, с явным опозданием, не избежала и отечественная психология.

Как и многое, что оказалось в психологии жизнеспособным, психоанализ родился в клинике, был создан врачом — практиком и исследователем. И в клинических описаниях, и в самой динамической модели симптомообразования при неврозах чувствуется естественнонаучная подготовка З. Фрейда, соответствующая ей наблюдательность, стремление к систематичности и к использованию физических метафор, внимание к биологическому началу в человеке. Особенно ярко талант клинициста проявляется в первых работах Фрейда, наполненных свежими, живыми впечатлениями от психотерапевтической практики. Предлагаемые Фрейдом модели для описания механизмов возникновения невротических симптомов легко ложатся на клиническую реальность. Несмотря на скандальность сексуальной подоплеки, ее тщательное и последовательное обоснование и сегодня у начинающих (и не только у начинающих) психологов и психотерапевтов создает впечатление убедительности. Эта правдоподобность — результат и аффективной заряженности сексуальной тематики, и безусловно-го таланта Фрейда в изложении своей позиции.

Вероятно, нет необходимости специально доказывать ненаучность психоанализа. Это уже давно и на самом высоком методологическом уровне сделали К. Поппер, Л. Витгенштейн. Примечательно и известное суждение самого Фрейда, который называл себя художни-

ком-беллетристом и ученым по необходимости, а не по призванию. Важно то, что Фрейду удалось создать весьма правдоподобную иллюзию научного знания и научного обоснования психотерапевтического метода. Фрейд создал яркий прецедент и в этом смысле явился основоположником традиции научной мистификации в психотерапии — традиции, которая всегда имела немало последователей, а сегодня уже может быть названа ведущей.

Безусловно, бесконечное множество современных «психотерапий» — это не только следствие распространения идей психоанализа и методологических проблем оценки эффективности в данной области. Большое значение имеет запрос общества, востребованность психологической помощи, причем не только и не столько больными с психическими расстройствами, сколько лицами с дозо-логическими формами психических нарушений. Эта ситуация относительно нова для нашего общества. В советские времена такие формы деятельности являлись скорее экзотикой, что было связано и с длительным периодом ограничений для психологической практики, и с идеологическим давлением, определившим отчетливый теоретический крен отечественной психологии.

Фактически, если не считать узко прикладных областей (инженерной, военной, космической психологии, нейропсихологии, патопсихологии), решающих задачи народного хозяйства и обороны государства, советская психология развивалась в русле разработки теоретических учений на базе марксистско-ленинской философии (или, по крайней мере, не в противоречии с нею). Каково было влияние этой философии на содержание создававшихся в то время психологических концепций, возможно, не так важно, как то, что сама зависимость от официальной идеологии сформировала и

закрепила у научного психологического сообщества установку на первичность теории по отношению к практике. Трудно сказать, в какой мере это осознавалось, но идея, слова, формулировки стали доминировать над жизненной психологической проблематикой. Вполне стройные психологические построения оказывались не только не приложимыми к решению практических задач, но и подчас просто лишены референтов в опыте человека.

Эту тенденцию в общественном сознании трудно было преодолеть даже наиболее глубоким умам и масштабным личностями своего времени, каковыми остаются в истории А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. М. Мясищев, Б. Г. Ананьев и многие другие. Мысль может показаться крамольной, но насколько бы ни были значимы их труды для развития отечественной психологии как института, их вклад в умножение научного (объективного, верифицируемого, обоснованного, систематичного, полезного) знания не так велик, как это часто представляется.

И сегодня, обращаясь к классикам отечественной теоретической психологии за ответом на вопросы, возникающие в практике оказания помощи людям в трудных ситуациях или при пограничных расстройствах (психогениях), молодой специалист будет скорее разочарован, хотя, вероятно, оценит особую эстетику этого дискурса.

Таков парадокс и такова трагедия психологии. Исторический анализ показывает, что ни на одном этапе своего развития она не обладала достаточной цельностью. Были разнообразные формы психологической практики (клинической, экспериментальной, педагогической) и были психологические науки, но двум этим сферам деятельности так и не было суждено сойтись. «Схизис», таким образом, — не вполне адекватный

термин для обозначения состояния психологического пространства. Он предполагает расщепление целого, а целого никогда не было и, тем более, нет теперь. Ни у одной из множества частей поля психологии не хватило внутреннего потенциала для достижения доминирующих позиций, однако наиболее жизнеспособными и плодотворными неизменно оказывались те направления, которые изначально ставили своей целью решение реальных практических задач. Почему ситуация тотального разобщения в психологии уже многие десятилетия так и не находит своего разрешения — вопрос открытый.

Безусловно, необходимо отдавать себе отчет в том, что человек, его жизнь всегда «больше» любого, а тем более, научного познания. Да и не являются целью науки в строгом смысле поиски истины. Главная задача научной дисциплины — в разработке технологий решения насущных практических задач, и психология в ряду наук не должна быть исключением. Разработка технологий требует инструментов теоретического осмысления практического опыта: моделей, концептов, схем. Создание таких инструментов и оснащение ими специалистов-практиков — нормальный путь развития любой научной дисциплины. Всякий же раз, когда наука игнорирует запросы практики, она теряет свой предмет и статус научности.

Об этом свидетельствует и путь развития медицинской психологии, отражающий деформации в понимании ее задач и предмета. Во многом история медицинской психологии повторяет историю других отраслей психологии, а потому заставляет размышлять о психологической науке в целом, и не только в ретроспективе. Ведь как утверждал Ф. Энгельс, исторический анализ позволяет извлекать опыт ошибок и неудач, и это должно помочь в поиске новых

методологических оснований организации науки.

Проблемы, которые фиксируются сегодня в психологии, не являются собственно психологическими и не могут быть решены средствами самой психологии. Уровень этих проблем — методологический, и задачи, стоящие перед пси-

хологическим сообществом, — не в бесконечном умножении эмпирического знания и автономных теорий, а в разработке новых методов осмысления и систематизации того исторического наследия психологической науки и практики, который доступен сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акименко М. А., Шерешевский А. М.* История Института имени В. М. Бехтерева на документальных материалах. СПб., 2000. Ч. 2. 296 с.
2. *Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
3. *Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007. 528 с.
4. *Левченко Е. В.* Психологическая концепция В. М. Бехтерева // Вестник СПбГУ. 1996. Т. 1. № 6. С. 70–81.
5. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. Ростов-н/Д: Феникс, 1996. 416 с.
6. *Щедровицкий Г. П.* Лекции по психологии // Вопросы саморазвития человека. Вып. 3. 1991. С. 3–32.
7. *Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: Русский путь. М.; Воронеж, 1996. 380 с.

REFERENCES

1. *Akimenko M. A., Shereshevskij A. M.* Istorija Instituta imeni V. M. Behtereva na dokumental'nyh materialah. SPb., 2000. Ch. 2. 296 s.
2. *Vasiljuk F. E.* Metodologicheskiy smysl psihologicheskogo shizisa // Voprosy psihologii. 1996. № 6. S. 25–40.
3. *Zhuravlev A. L., Jurevich A. V.* Teorija i metodologija psihologii: Postneklassicheskaja perspektiva. M. 2007. 528 s.
4. *Levchenko E. V.* Psihologicheskaja koncepcija V. M. Behtereva // Vestnik SPbGU. 1996. T. 1. № 6. S. 70–81.
5. *Petrovskij A. V., Jaroshevskij M. G.* Istorija i teorija psihologii. Rostov-n/D: Feniks, 1996. 416 s.
6. *Wedrovickij G. P.* Lekcii po psihologii // Voprosy samorazvitija cheloveka. Vyp. 3. 1991. S. 3–32.
7. *Jaroshevskij M. G.* Nauka o povedenii: Russkij put'. M.; Voronezh, 1996. 380 s.